

Евгений Сухов

Трудный отпуск

16+

ЕВГЕНИЙ СУХОВ
Трудный отпуск

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Сухов Е.

Трудный отпуск / Е. Сухов — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Следователь Максим Поперечный отправляется в отпуск к своему однокашнику в провинциальный тихий городок Городище. Как выяснилось, он подъехал не в самое подходящее время: за последнюю неделю в городе было совершено три убийства, чего никогда не случалось прежде. В первом случае был убит в собственной квартире пенсионер Хесняров, бывший председатель исполкома, во втором пожилая женщина-пенсионерка, в прошлом простая акушерка родильного дома, в третьем - бывшая учительница. Следователи выдвинули версию, что в городе действует маньяк. Начальник следственного отдела подполковник Размоллов попросил помочь Поперечного в расследовании убийств. Ознакомившись с материалами, майор Поперечный решает, что все три убийства совершил один и тот же человек, но это не маньяк....

© Сухов Е., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Евгений Сухов

Трудный отпуск

Глава 1. Два убийства за неделю

Итак – отпуск! А что такое отпуск? В первую очередь – это осуществленная мечта, желанное приволье и никакой службы. Сравнительно небольшой, но такой приятный отрезок времени, когда предоставлен только самому себе. В каком-то смысле отпуск – душевный полет и праздник тела, суть которого сводится к одному – абсолютному ничего не деланию! Именно в отпуск можно провалиться в постели, эдак так, часов до девяти. Неспешно позавтракать, подумать о бренности бытия, вспомнить о том, что на нижнем этаже живет хорошенькая незамужняя соседка, которая весьма тепло здоровается при каждой встрече и наверняка открыта для близких отношений. Отпуск – это перспектива какого-то красивого романа, который может вылиться во что-то серьёзное. Да мало ли что можно осуществить во время отпуска длиною в пять недель, когда совершенно нет никаких планов. Ну не ехать же в морской круиз за две тысячи баксов!

Можно осуществить желание попроще... Например, навестить старинного друга, которого лет пять уже не видел (хотя не единожды собирался к нему нагрянуть, да и он неоднократно зазывал к себе), с которым связаны многие вехи и знаменательные этапы собственной и его судьбы. Не так уж много осталось друзей, к которым можно зайти безо всякого предупреждения, длинно позвонив в дверь. И при этом знаешь абсолютно точно, что друг не слепит удивленного лица и окажет тебе самый сердечный прием, в какое бы время суток ты не объявился.

В тридцатипятиградусную жару, что стояла весь июль, особенно никуда не двинешься, – любой выезд ни то что из города, даже из собственного района воспринимается, как событие экстраординарное, – но в последнюю неделю, когда зной значительно спал, я решено ехать. Жизнь – штука скоротечная, неизвестно, когда еще можем сведемся, так чего же откладывать встречу на неопределенное время.

На дорожные сборы угрохал половину дня, хотя ничего особенного я с собой не взял, так, обычный дорожный набор, уместившийся в небольшом чемоданчике. Уже в глубокий вечер, когда город тронула легкая прохлада, я отправился на своей старенькой «Ниве» в славный город со старинным названием Городище.

Городок провинциальный, маленький, каковых в России наберется ни одна сотня, – самая что ни на есть глубинка, – расположен на правом берегу Камы близ впадения в нее тихой речушки Тоймы, заросшей прибрежным кустарником так густо, что зачастую к воде и не подойти. Само же Городище по утверждению историков едва ли не старше Казани с ее более, чем тысячелетней историей. Поскольку, как селение, было выстроено еще в первом веке нашей эры, то есть много раньше наших славных в российской истории городов. Назывался некогда этот город Чертовым Городищем. Поскольку, согласно легенде, в месте на высоком холме близ впадения реки Тоймы в Каму находился некогда большой языческий храм в виде беседки на четырех столбах с жертвенником посередине. Охранял тот храм ужасного вида крылатый змей с рогами, ведающий обо всем, поэтому прозванный местными жителями чертом.

В языческий храм приходили люди из разных мест, зачастую весьма далеких, желавшие узнать будущее свое или своих близких. Возможно, с тем, чтобы попытаться скверное будущее как-то изменить к лучшему или, по крайней мере, если не удастся, то хотя бы подготовиться к худшему. Приходили люди в храм всегда с подношениями, приносили в жертву баранов, коз, гусей и прочую живность. Если жертва приходилась по вкусу крылатому и рогатому змею, который крайне резко показывался людям на глаза, разве уж в глубокую ночь, то пришедший

в храм чувствовал легкое дуновение ветра от взмахов крыльев змея и его утробный шепот, сообщающий человеку то, что он желал знать.

Так длилось из века в век, и люди из поколения в поколение передавали весть об этом змее и его способностях знать о каждом человеке всю его светлую и темную стороны. И кто был посмелее, или кого заставляла и направляла большая надобность, шли к этому змею-черту за сведениями, о каковых хотели непременно ведать. Неизвестно, скольким людям змей помог, а скольких обрек на погибель, сообщая им то, что знать им наперед не дозволено. Но однажды черт-змея вдруг запропастился. Поговаривали, что он перелетел в другое, более спокойное место и поселился в пещере холма у Казанки реки близ впадения ее в Волгу. Почему он снялся с насиженного места? Да потому, что рядом с высоким холмом, где находился языческий храм, появился и стал расти и шириться город, прозванный впоследствии в память о крылатом змее Чертовым Городищем.

Со временем первое слово в названии города как-то отпало – кому ж понравится проживать в месте, именуемом одной из самых значимых темных сил. Эдак ни городу, ни его насельникам никакой удачи в веках не видать. И город стал зваться местными жителями просто Городищем, что и было закреплено указом императрицы Екатерины Великой в одна тысяча семьсот восьмидесятом году. С тех пор Городище сделался уездным городком, каковым, по сути, является и по сей день...

Двести с небольшими километров до Городища я преодолел где-то за три часа без четверти: кое-где на федеральной трассе М7 до сих пор велись ремонтные работы, затеянные еще пару лет назад. Въехав в город и оставив поворот на Набережные Челны по левую руку, я повернул к центру Городища, а потом стал забирать на северо-восток, проехал по благоустроенной улице Чапаева и повернул на улицу Чернышевского. Проехав по ней два квартала, я повернул на улицу Бехтерева, проехал еще квартал и встал возле двухэтажного каменного купеческого дома времен конца позапрошлого века, каковыми Городище и по сей день гордится и, похоже, не собирается сносить. Здесь, в двухквартирном доме с двумя отдельными парадными всю свою сознательную и бессознательную жизнь – поскольку в этом доме и родился – проживал мой друг и некогда сокурсник по Казанскому университету Размоллов Евгений Николаевич. Он был коренным жителем Городища, поскольку его отец, дед, прадед и даже прапрадед – а дальше он свою историю не прослеживал – проживали в этом городе. Причем прапрадед Евгения Николаевича, Размоллов Евстафий Ефимович служил в конце первой половины девятнадцатого века секретарем городской управы в то время, когда городским головой был купец-хлеботорговец Иван Васильевич Шишкин. Отец известного художника Шишкина, автора всем известного художественного полотна под названием «Утро в сосновом лесу».

Это был мой не первый приезд в город на реке Каме, носивший старинное название Городище. Первый раз я приехал к своему другу в этот город, когда тот служил в органах милиции простым следователем в звании лейтенанта юстиции. В следующий мой приезд я застал его капитаном. А потом мои визиты стади почаще, но всякий раз я сваливался Жене Размоллову, буквально, как снег на голову. Конечно, если бы я добирался поездом, то, непременно, позвонил бы Женьке, и тот меня бы встретил, даже если у меня из багажа у меня была бы только шариковая ручка. Но я прибыл на своем выдавшем виды авто и набрал телефонный номер Размоллова, практически находясь у дверей его дома. Был уже вечер выходного дня, однако Женька долго не отвечал. Наконец, я услышал знакомый голос в трубке:

– Привет. Ты где?

Похоже, он то ли знал, то ли почувствовал, что я могу к нему приехать. А может, это я в телефонном разговоре как-то проговорился ему про отпуск и свое намерение приехать к нему. Словом, неожиданного сюрприза у меня, увы, не получилось...

– Я возле твоего дома, – ответил я тоном, каким мальчишки-школьники сообщают своим родителям о полученной двойке.

– Максим, меня дома нет, я сейчас в Управлении, – как показалось мне, думая о чем-то своем, произнес Женя Размолов. – И вообще... ты очень вовремя сюда приехал...

– Что-нибудь произошло?

– Не нагружайся. Все при встрече, – пообещал Размолов.

– Сейчас подъеду к Управлению, – ответил я, не совсем понимая, что значит это Женькино «ты очень вовремя приехал». Надо полагать, он растолкует все при встрече. В том числе и то, почему он – весьма значительное лицо местной полиции – в выходной день, да еще поздним вечером находится на государственной службе. Он что, до сих пор не исчерпал своего лейтенантского рвения к службе, дабы зарекомендовать себя перед начальством в качестве дельного и инициативного работника? Или у него на службе приключилось нечто такое, чему мой приезд может помочь?

Гадать я не стал. А просто сел и поехал в Управление.

* * *

Управление внутренних дел по Городищенскому району, где мой друг Размолов служил в должности начальника следственного отдела и, соответственно, являлся вторым заместителем начальника Управления, находилось на улице Алексея Пешкова. Отъехав от дома Размолова, я поехал по улице Бехтерева, забирая на восток, повернул на улицу Гафури и, проехав пару кварталов, свернул на улицу начдива Азина. Снова забирая на восток, доехал до Городищенской улицы, бывшей когда-то, надо полагать, центром города, повернул налево и по мосту через речку Ела попал сначала на Большой Гласный переулок, в затем и на улицу Алексея Пешкова.

Доехав до длинного трехэтажного здания полицейского Управления, я вышел из машины и позвонил Женьке. Впрочем, по его званию – подполковник юстиции – и весьма значительной должности в Управлении внутренних дел, его теперь надлежало звать не иначе как Евгением Николаевичем.

– Аврал у нас тут, – вышел на мой телефонный звонок с озабоченным видом подполковник юстиции Размолов и крепко пожал мне руку. – Давай пройдем ко мне. Что нам тут, как двум тополям на Плющихе, отсвечивать...

Настроение у моего друга, как я успел заметить, было не веселое. В потухшем взгляде сквозила озабоченность; движение беспокойные, нервные. Состояние знакомое, такое бывает, когда дело не залаживается, не видать концов, за которые можно было бы потянуть, чтобы распутать весь клубок. Выход в такой ситуации существует: нужно постараться успокоиться, хотя это бывает очень непросто, и начать работать, по возможности, более продуктивно. Имеется и второй вариант: следует попросить помощи у человека, которому доверяешь, умеющего взглянуть на создавшуюся ситуацию беспристрастным взглядом.

Мы прошли мимо дежурного, поднялись на второй этаж и вошли в кабинет Евгения Николаевича. Он был небольшим, но уютным. Было видно, что хозяин кабинета проводит в нем значительную часть своего времени, если не сказать жизни.

– Что за аврал? – поинтересовался я, усаживаясь за стол против моего старого друга. – И что значат твои слова, что я, мол, очень вовремя приехал? Тебе требуется моя помощь?

– Ты, наверное, устал с дороги. А я тебя тут нагружаю своими проблемами... – с легкими извиняющимися нотками слегка провинившегося человека произнес начальник следственного отдела Управления внутренних дел.

– Перестань. Ничего ты меня не грузишь, – посмотрел я на него с появившимся у меня недоумением.

Сказанное очень не походило на моего старинного товарища, поскольку Женя Размолов никогда не отличался деликатностью, да и характер у него был далеко не мягкий. Что же на него нашло такое? Очевидно, этот «аврал» или чего там у них приключилось, достало его так крепко, что он был вынужден изменить своей природе. Надеюсь, всего лишь на какое-то время. А то это будет уже другой Женька, то есть Евгений Николаевич, к которому мне

придется привыкать заново, чего делать мне бы очень не хотелось. Представляете ситуацию: едете вы к одному человеку, которого знаете целую вечность, а приезжаете к совершенно другому, – с другим характером, с другой линией поведения, даже разговаривает он иначе, – хотя и пребывает в прежнем облики. Форма не поменялась. Поменялось содержание... Что ж, тем более интересно будет узнать, что такого у них в Городище приключилось, отчего подполковник юстиции Размолов так размяк, что сделался сам на себя не похож...

– Да и не устал я, наотдыхался в отпуске, – добавил я бодро, всем своим видом демонстрируя другу, что приготовился внимательно его слушать и при возможности помочь.

– Хорошо, – поерзал в своем кресле Евгений Николаевич. – Твоя помощь мне не помешает... Слушай... – Какое-то время он собирался с мыслями, затем неторопливо начал: – В городе за последнюю неполную неделю произошло два странных убийства. Первое было совершено ровно неделю назад: в своей квартире был убит бывший председатель исполкома Городищенского муниципального района, а ныне пенсионер Зиннур Мансурович Хесниоров. Кто-то шарахнул его по лбу каким-то тупым тяжелым предметом, отчего наш бывший председатель исполкома скончался на месте. Второе убийство было совершено...

– Погоди, друг, погоди, – перебил я Женю Размолова. – То, что ты мне сейчас рассказываешь, звучит слишком сухо и уж очень как-то обще. Мне же нужны малейшие подробности, детали, нюансы, а иначе я не смогу увидеть картинку целиком и в полном объеме... А без этого я вряд ли сумею тебе помочь. Ты же следак, сам ведь знаешь: все эти мелочи в нашем деле порой являются определяющими и дают понимание того, что произошло в действительности.

– Понимаю, бес прячется в деталях... Что ты хочешь знать? – поинтересовался Евгений Николаевич.

– Все, – ответил я, как само собой разумеющееся и ничуть не сомневаясь, что в деле о двух убийствах начальник следствия подполковник Размолов знает все от начала и до конца. – Начнем с орудия убийства... «Тупой тяжелый предмет» – что это за предмет предположительно? Обух топора, обрезок трубы или что-то иное? – начал я перечислять вопросы, что меня интересовали. – Какие предположения вами выдвигались, и что об этом говорит эксперт? Кто открыл двери в квартиру бывшего председателя исполкома: сам он или замок был все-таки взломан? А может, его открыли отмычкой? Что говорят эксперты: умышленное это убийство или совершенное спонтанно? Какие детали свидетельствуют о том, что убийство было умышленным или спонтанным. И есть ли такие дела вообще? Каково время совершения убийства? Что говорят опрашиваемые соседи, есть ли свидетели? Имеются ли такие очевидцы, которые что-то видели или может быть хотя бы что-то слышали? И еще, – продолжил я перечислять интересующие меня вопросы, – что конкретно пропало в квартире бывшего председателя исполкома, и пропало ли вообще? Что собой представлял этот Хуснуяров, как личность? Его характер, слабости, привычки? Манера вести себя с окружающими. Его привязанности? Может быть какая-то женщина... Имеются ли у него родственники. Если имеются, тогда кто они такие? Чем занимаются? Где работают или служат? Его отношение к ним? Мне бы хотелось получить как можно больше информации об этом Хусниорове...

– Хесниорове, – тактично поправил меня мой друг.

– Ну, пусть Хесниорова, – согласился я с поправкой подполковника юстиции Размолова – Сути моих вопросов это не меняет...

– Не меняет, – в некоторой задумчивости произнес Евгений Николаевич. – Итак: начну по порядку... Мы единственно убеждены, что убийство бывшего председателя исполкома Хесниорова было совершено тяжелым тупым предметом. Без прочих предположений. Орудие убийства так и не было найдено. Вполне возможно, что это мог быть обух топора, обрезок трубы или, скажем, молоток...

– Второе убийство тоже совершено тяжелым тупым предметом? – решил я забежать вперед.

– Так точно, – по-военному ответил подполковник юстиции Размолов. – Раны идентичны первому убийству и по заключению медиков, нанесены одним и тем же или аналогичным предметом.

– Металлизация ран выявлена? – спросил я. – Наличие металла в ране, может какие-то осколки или его частички. А если оно присутствует, тогда какое его качество?

– Ну, знаешь, Макс, – посмотрел на меня с некоторой укоризной мой старый друг. – Это там у вас в столицах сделать подобный электрографический или гальванографический анализ все равно, что два пальца об асфальт. А у нас нет ни помещений под все эти процедуры, ни специалистов соответствующей квалификации, ни нужного оборудования и инструментария. Да и не всегда при подобных поранениях в ранах остаются на коже или в теле частички металла, которые можно вот так взять и обнаружить...

В словах Евгения Николаевича имелся свой довод, поэтому я решил оставить эту тему:

– Хорошо, продолжай.

– Дверной замок входной двери в квартиру не имеет никаких повреждений, стало быть, он не взламывался. На его поверхности отсутствуют также и царапины, указывающих на то, что замок открывался не родным ключом. Из этого можно сделать вывод, что отмычкой замок тоже не вскрывался. Получается, что своему убийце пенсионер Хесниаров открыл дверь самостоятельно и никак иначе.

– То есть, жертва была хороша знакома со своим убийцей, – с едва заметной вопросительной интонацией спросил я.

– Зная характер Зиннура Мансуровича, а человек он был очень непростой, даже где-то недоверчивый, скорее всего – да, – довольно уверенно произнес Размолов.

– А что у не был за характер? Можно поподробнее? – посмотрел я на старого друга, поскольку не сомневался, что он владеет и этой информацией.

– Давай перед этим я сначала отвечу на другие интересующие тебя вопросы, – предложил Евгений Николаевич. И, не дожидаясь моего согласия, продолжил: – Значит, так: касательно предумышленного или непредумышленного убийства... Следствие не располагает какими-либо данными, проясняющими этот вопрос. Криминалист тоже не может ответить на этот вопрос, – нет пока никаких зацепок. Может, если ты, конечно, возьмешься нам помочь, – тут Размолов сделал небольшую паузу (словно ожидал моего «конечно помогу», однако я скромно промолчал) – тебе удастся разрешить этот вопрос... Время убийства определено более или менее точно – от десяти до одиннадцати часов вечера. Касательно свидетелей... Таковых не имеется, несмотря на поквартирный обход, совершенный и нашими операми, и участковым уполномоченным. Никто из жильцов дома не видел постороннего мужчину или женщину, входящих в подъезд в указанное время и выходящих из подъезда.

– А если ли камеры, выходящие на подъезд дома, где проживал убитый?

– К сожалению, таких камер не имеется. Так что и тут зацепиться не за что. Соседи Хесниарова по лестничной площадке и по подъезду тоже ничего не видели и не слышали.

– Может они просто не хотят связываться с полицией и поэтому молчат? – предположил я.

– Не похоже на них, – не согласился Евгений. – Люди уже в возрасте, живут в этом доме давно, все прекрасно знают друг друга. Искренне хотели помочь следствию.

– А дом какой постройки, сталинской?

– В том-то и оно, что сталинской. Стены толстые, кирпичи первосортные, здание построено добротно, сейчас так не делают. Это не новые здания – панельные или кирпичные, где слышно, как соседи писают в унитаз, поют песни под душем или занимаются любовью. Ну, и последнее: в квартире бывшего председателя исполкома ничего не пропало. Это подтвердила соседка по лестничной площадке Руфия Немедзянова, которая время от времени приходила убираться в квартире Зиннура Мансуровича. Он ведь жил один. И был не очень здоров...

– А что такое? – поинтересовался я.

– Силлогомания. Страсть к собиранию вещей или патологическое накопительство. Кстати, по православным традициям оно считается грехом, – пояснил мне старый друг. – Рука не поднимается что-либо выбросить, и многое, найденное на улице и даже на помойках, кажется нужным и способным пригодиться. Все найденное или полученное каким-то иным способом несется домой, складывается и остается лежать навечно, так ни разу и не пригодившись.

– Хм, интересно... Никогда даже не слышал о такой болезни.

– Иногда эту болезнь шутливо называют «синдром Плюшкина». Случается, комнаты забиваются таким бараклом так, что и пройти невозможно. У стариков после шестидесяти пяти такое частенько бывает. Так что квартира Зиннура Мансуровича была захламлена всяким бараклом, а взять в ней особо было и нечего...

– А сколько ему лет было? – поинтересовался я.

– Шестьдесят семь, – ответил Евгений Николаевич.

– Вроде бы еще и не старый.

– И тем не менее... Так вот, что касается самого потерпевшего... – Здесь мой друг сделал небольшую паузу, словно раздумывал, с чего бы начать. И начал с анкетных данных. – Хесни-яров Зиннур Мансурович... Шестьдесят семь лет. Разведен. Жена ушла, когда его попросили с должности председателя исполкома в две тысячи одиннадцатом году: став рядовым гражданином, он перестал ее устраивать. Впрочем, здесь нет ничего удивительного, – глубокомысленно изрек подполковник юстиции Размолов, незаметно, как ему думалось, вздохнул, что от меня не ускользнуло, и продолжил по-деловому: – А почему его попросили с должности, у нас есть две версии, тут мы пробили по своим каналам. Первая, потому что каким-то образом он проштрафился перед главой администрации. А вторая, с должности его попросили потому что, как это частенько случается, – вздохнул уже по другому поводу начальник следственного отдела, – освобождали место для другого, более управляемого... Хесни-яров, он из местных. Его здесь знают практически все: отец его был начальником местной тюрьмы, а дед вместе с борцом за пролетарскую диктатуру большевиком Сергеем Николаевичем Гассаром, первым председателем Городищенского уездного Совета депутатов, устанавливал и укреплял в Городище советскую власть. Сам Зиннур Мансурович, можно сказать, поднялся с самых низов. Начинать простым оператором по добыче нефти и газа. Затем после окончания вуза сделался инженером нефтегазодобывающего управления «Горнефть». Потом пошел по общественной линии и получил пост заведующего сектором по закупкам Городищенского исполкома. Затем стал заместителем руководителя исполкома по экономике и, наконец, вполне заслуженно занял должность руководителя исполкома Городищенского муниципального района.

Евгений Николаевич поднялся со своего места, подошел к письменному столу и, открыв один из ящиков, достал пачку сигарет. Щелкнув зажигалкой, прикурил и с наслаждением сделал пару глубоких затяжек. Три года назад мне удалось бросить курить, и я с удовольствием втянул в себя запах дыма. Это был тот максимум, который я позволял себе, отказавшись от сей пагубной привычки. Что же касается обыкновения доставать из пачки сигарету, разминать ее и картинно нюхать, чем нередко занимаются кинематографичные персонажи в детективных сериалах, годами пытающиеся бросить курить, то такая вещь в жизни не проходит. Сигарета, это ведь не французский парфюм, чтобы его нюхать, не женщина, источающая природный аромат. Сигарета в первую очередь дым, который столь необходим курильщику.

– Последние года три Хесни-яров жил бобылем-отшельником в полном смысле этого слова. Одиночество, по всей видимости, его совершенно не тяготило. Из своей квартиры он выходил крайне редко, разве что куда-нибудь в магазин за продуктами. Сам тоже ни к кому не навещался. Никого к себе тоже не приглашал. Либо не желал общения, либо опасался, как бы гости чего-нибудь у него не сперли! Ведь эти газеты и журналы, различное тряпье, всякие

железки, обрезки досок и прочее барахло, что он постоянно приносил с улицы, совершенно искренне считал ценнейшим добром, на которое может кто-то позариться... Так что постороннему человеку, – снова сел напротив меня Размолов, – Зиннур Мансурович дверь попросту бы не открыл.

– Он что, жил на одну пенсию? – спросил я, воспользовавшись новой возникшей паузой.

– Представь себе, да, – искренне подивился мой старый университетский друг. – Мы прорабатывали это вопрос, никаких дополнительных заработков или каких-то источников, нами обнаружено не было. Говорят, он не брал взяток и не имел каких-либо выгод, которые могла бы ему принести его должность. Сейчас, наверное, в это трудно поверить, но, судя по тому, как он жил, так оно на самом деле и было.

– Может быть, Зиннура Мансуровича поэтому и подвинули с должности, что он не соблюдал правил, принятых чиновниками и старался жить по совести. Ведь в черной вороньей стае белой вороне не ужиться – заклюют... А на одну пенсию прожить – сам понимаешь, как надо извернуться.

– Все так... Высокие коммунальные услуги, дорогостоящие лекарства, без которых пожилому человеку приходится очень не легко... На еду остается всего ничего. Случается, не остается вовсе, коли приболел, а на дворе зима и коммунальные платежи в районе девятидесяти тысяч, а иногда и поболее. Если бы не его зять, муж его сестры, Зиннуру Мансуровичу было бы попросту не выжить...

– Зять что, помогал ему деньгами? – предположил я.

– Да. Через жену, – ответил Евгений Николаевич. – Та иногда заходила к брату навестить его. И то пять тысяч ему оставит, а то и десятку... Деньги не свои, конечно. Она-то сама практически всю жизнь не работала, и деньги, что у нее имелись, были не ее, а мужа. Вот за эту помощь Хесниаров своего зятя терпеть не мог.

– Почему? – задал я вопрос, на который и сам бы мог ответить.

– Наверное, не хотел считать себя обязанным ему, – чуть подумав, промолвил подполковник юстиции Размолов. На мой взгляд, в своем размышлении он попал в самую точку. И добавил: – Но все-таки чувствовать себя обязанным шурину Зиннуру Мансуровичу приходилось. Когда что-то кому-то должен, сам знаешь, это угнетает. А у совестливых людей напрочь портит характер.

– Ситуация знакомая... Сам не люблю быть кому-то обязанным, а тут деньги... И нет никакой возможности возратить их. Человеку, которому ты задолжал, трудно отказать в его просьбе. А просьбы бывают весьма разные... Это означает все время находиться у него на крючке.

– Сам знаю, в любой момент тебя могут подцепить. За хвост, за жабры, за голову, за брюхо. А это, ох, как неприятно...

– И кто же у нас, в таком случае, будет зять? – спросил я с интересом. – Наверное, какой-нибудь местный олигарх.

– Ну, не олигарх, конечно, но довольно известный бизнесмен в нашей области, зовут его Альфред Антанасович Моргулис, – ответил Евгений Николаевич. – Я бы даже сказал, что он был один из первых бизнесменов в городе, – со значением глянул он на меня. – Сначала у него появился кооператив по продаже кафельной плитки. Это было еще в те горбачевские времена, когда никто не верил, что «Закон о кооперации в СССР», это всерьез и надолго. Все думали, что пара-тройка месяцев, максимум полгода, и все это закончится, как неоднократно уже бывало с разными прогрессивными начинаниями в стране. Закрутят гайки, уничтожат... Однако кооперация вместо схода на нет стала «ширится и углубляться», – как любил поговаривать Михаил Сергеевич. Шло время. Моргулис открыл малое коммерческое предприятие. Потом «ООО» по продаже отделочных строительных материалов, одно из самых крупных в городе с филиалами по всей области. И строительную фирму, чтобы, значит, обеспечивать

состоятельных граждан домами, коттеджами, гаражами и прочими строениями, как говорится, «под ключ». Себе построил коттедж в два этажа. Он такой заметный, с башенками... – сделал жест рукой подполковник юстиции Размолов, как будто обхватил бочонок. – Правда, в городе говорят, что дела его давно уже неважные, и долгов у него больше, нежели доходов, – проявил немалую осведомленность в делах бизнесмена Моргулиса начальник следственного отдела Управления внутренних дел по Городищенскому району, – однако марку весьма обеспеченного человека он продолжает держать довольно высоко, и как это ему удастся – очень большой вопрос. Занимается активно благотворительностью, и помимо помощи шурина, содержит двух сестер и сына с женой и двумя детьми.

– А сколько сейчас сыну? – поинтересовался я. – И кто он?

– Он писатель, – со странной усмешкой ответил Евгений Николаевич. – По крайней мере, он так думает и хочет, чтобы так думали другие, – добавил он. – Ему тридцать шесть лет... – Похоже, подполковник Размолов был осведомлен о многих гражданах, проживающих в городе и уж тем более так или иначе причастных к делу, которое сейчас его занимало. Впрочем, в небольших городах их жители знают друг про друга если не все, то очень многое... – Зовут его Фердинанд Альфредович, – продолжил мой друг. – По окончанию школы он окончил факультет журналистики Казанского университета, какое-то время работал корреспондентом в газете «Вечерняя Казань» и вел в ней новостную рубрику. Ничем себя особенным не проявил. Опубликовал в «Вечерке» несколько своих рассказов. Я их читал...

– И как впечатление?

– Ничего интересного. Серенькие, блеклые. Говорит, что в настоящее время пишет книгу. Года четыре уже, как пишет... Но вот только написать ее никак не может, потому что вокруг полно графоманов и завистников, которые все время пытаются вставлять ему палки в колеса. Я немного знаком с этим писательским миром, все они говорят примерно одно и то же... В один из отпусков приехал к отцу, да так здесь и остался. Женится, завел детей.

В последних словах начальника следственного отдела Управления внутренних дел мне послышался несильно сокрытый сарказм. Сидеть на родительской шее в тридцать шесть лет, да еще с семьей, это, конечно, не комильфо. Но писать книгу можно и дольше четырех лет. Некоторые писатели пишут одну книгу едва ли не всю жизнь. И потом ничего более не делают и всю оставшуюся жизнь собирают с нее пенки.

– А самому Моргулису-старшему сколько лет? – прервал я свои размышления.

– Да под шестьдесят, – последовал ответ. – Кстати, Маргарите Ивановне Камышиной, которую также убили в своей квартире, совсем недавно исполнилось шестьдесят два года...

– Это ты про второе убийство начал говорить? – догадался я, поскольку Женя Размолов ответил на все мои вопросы, что я ему задал.

– Да, – ответил мой старый друг.

– Тоже одинокая?

– Все верно.

– Получается, что преступник выбирает одиноких стариков? – озвучил я вывод, который napросился сам собой.

– Выходит, что так, – не сразу ответил Евгений Николаевич. После чего добавил: – Или тех, кто его слабее, и кто не сможет ему оказать должного отпора. Вот только не понятен его мотив. Ведь ничего не пропало. Что ты по этому поводу можешь сказать, Максим?

– Убийцей может быть маньяк, которому в удовольствие мучить людей, а потом убивать их. Знаешь, совсем недавно в нашем управлении сделали доклад. И по выкладкам специалистов, занимающихся этой темной, сейчас по стране шастают приблизительно тридцать-тридцать пять маньяков. Многие из них на месте не сидят. Укокошат несколько человек, почувствуют, что за ними идет охота и перебираются в другое место. А интуиция у них, как

показывает исследования, просто звериная! Впрочем, они звери и есть... Женя, давай расскажи подробно про второе убийство.

– Убита Маргарита Ивановна Камышина, пенсионерка, одинокая, шестьдесят два года. Всю жизнь, можно сказать, проработала акушеркой в нашем роддоме номер один, и немало жителей нашего города обязаны своим появлением именно ей, поскольку роддом номер один самый популярный в нашем городе, – начал Евгений Николаевич. – Характер имеет... тьфу ты, имела примерно такой же, каковой был у Хесниярова: чужого или неприятного ей человека в дом и на порог не пустит, и из квартиры без особой причины – ни ногой! Как говорится, калачом не выманишь. Разве что на лавочке иногда посидит вместе с подругами, такими же старушками, как и она сама. Касательно твоих вопросов, что ты задавал по первому убийству, – он внимательно посмотрел на меня, очевидно, сообразуясь с мыслями, – могу ответить тебе следующее: орудие убийства такое же, как и в первом случае, то есть тупой тяжелый предмет, возможно, обрезок водопроводной трубы, как ты и предполагал. Поскольку носить с собой кусок водопроводной трубы легче и проще, нежели, к примеру, топор, чего я и представить себе не могу... В этом отношении я с Достоевским где-то даже не согласен...

– Ну, если только за поясом, – пошутил я и тотчас представил растрепанного длинноволосого беззубого старикана с крючковатым носом, с узким морщинистым лбом и колючим взглядом злых крохотных глазок, за поясом которого, подвязывающего длинную белую рубаху, был заткнут окровавленный топор. – Что-то подобное я видел в кино.

– Макс, ты, наверное, в последнее время очень много смотришь ужастиков, – поддержал мою шутку Евгений.

– Возможно, – охотно согласился я. – Прости, что прервал. Продолжай, пожалуйста.

– Итак, я продолжаю, – сразу сделавшись серьезным, заговорил однокашник. – Орудие убийства во втором эпизоде то же самое... Плюс убийство произошло между десятью и одиннадцатью часами вечера, как и в первом случае со стариком Хеснияровым. Помимо того, что обе жертвы находятся... то есть находились в преклонных годах, – поправился начальник следственного отдела, – время убийства и орудие убийства – единственная связь между этими двумя преступлениями... – Евгений Николаевич немного помолчал, потянулся за сигаретами, потом зло запихнул их в карман и продолжил: – Убийцу старушка Камышина, учитывая ее характер, похоже, тоже впустила сама. Поскольку ни взлома, ни характерных царапин, что случаются при открытии замка отмычками, не замечено от слова «совсем». Очевидно, преступник был Маргарите Ивановне знаком и не был неприятен. Она впустила его и... предположительно, практически сразу получила пролом черепа, – ранение, от которого почти в одночасье скончалась. В квартире, судя по всему, ничего не пропало: все, что имелось, осталось на своих местах. Так что это не наркоманы или какие-то там залетные воры, что просчитались с выбором квартиры, а именно некто, пришедший убивать. Делать свое черное дело, прихватив с собой уже проверенное в первом эпизоде орудие убийства. Мне кажется... лично мне, – интонацией подчеркнул последние два слова Евгений Николаевич, – что если Зиннура Мансуровича убили либо непредумышленно, либо специально, то Маргариту Ивановну Камышину лишили жизни исключительно преднамеренно. Либо она что-то заприметила, чего видеть было не нужно, либо что-то узнала, чего знать было не должна. Вот за это она и поплатилась. Иных оснований убивать бывшую акушерку я не вижу... Ни в какие особые тайны она посвящена не была, никакими материальными средствами она не владела.

Внимательно выслушав все, что было мне сказано, я произнес:

– Согласен с тобой. Вполне, может быть, что это никакой не маньяк. И старушку убили сознательно, чтобы она не преподнесла убийце неожиданных неприятностей. Правда, с мотивом первого убийства совсем ничего не ясно. Да и со вторым – только одни предположения...

– Ну да... Два убийства, пусть произведенные одним и тем же орудием и в одно время – серией еще не являются. Хотя... – подполковник юстиции Размоллов немного помолчал, – еще

не вечер, как поется в одной песне... Понимаешь, Макс, – как-то затравленно посмотрел на меня Женя Размоллов, – мы в Управлении с ног все сбились. Два убийства за шесть дней... И это в провинциальном городе с населением в несколько десятков тысяч человек, – вздохнул начальник следственного отдела Управления внутренних дел. – Многовато, ты не находишь? У нас никогда такого не случалось. Ума просто не приложу, как подступиться! Мы были просто не готовы к такому... Нет, молодняк иногда преподносит сюрпризы: разборки между собой, массовые драки, поножовщина, – продолжал рассуждать вслух мой друг. – Черепа тоже иногда друг дружке разбивают. Где-то по пьянке кого-то зарезали, было бы все понятно, такое случается, хотя и редко... На улице что-то мужички не поделили и такое бывает... Но чтобы два убийства за неполную неделю – такого давненько в городе не было. Я, честно говоря, вообще не припомню. – Женя Размоллов снова вздохнул и немного странно посмотрел на меня. Как будто в чем-то оправдывался и что-то пытался попросить. Чего сделать ему было не так-то просто. Потом сказал: – Мне повезло, что ты приехал. Наши следаки – неплохие между прочим – буксуют в этом деле. В нем пока что за что ни возьмись, везде рвется. Ухватиться, понимаешь, не за что. Из следователей сейчас раз два и обчелся! Кто в отпуске, кто в больнице находится, а один так и вовсе третью неделю ковидом болеет, хотя положенные прививки сделал. Врачи говорят, что у него новая разновидность ковида. Даже не знаешь кому верить... Температура тридцать девять с копейками, в лежку лежит, даже сидеть не может, а в больницу его не берут, говорят, легкие недостаточно поражены. Пусть лучше дома отлежится Мда-а... – тяжело протянул Женя Размоллов. – Так что я тут и руковожу, и сам расследую. А ты, Максим, – человек со стороны. Нашими проблемами не обремененный и распоряжениями начальства по рукам и ногам не связанный. Взгляд у тебя на наши проблемы свежий и острый. Опыта у тебя в подобных делах немало, знаниями обладаешь обширными, столько лет в следователях. Причем не где-нибудь, а в столице республики. Таким всегда бывает виднее. Может эти наши случаи тебе какие-то собственные дела напомним... Начальство, веришь, на горло буквально давит... Как будто мы без него не знаем, что это дело надо поскорее сдвинуть с мертвой точки. А у нас нет ни улики, ни подозреваемого. Уж на раскаленной сковородке, и тот, наверное, меньше вертится, чем я сейчас, веришь?

Размоллов терпеливо дожидался ответа. Пауза затягивалась, грозившая вскоре перерасти в неловкое молчание.

– Верю... Хочу тебе сказать, что начальство всюду одинаковое, что у тебя, что у меня, везде им нужно немедленного результата, – ответил я без малейшей иронии, взглянув в окно, за которым уже заметно потемнело. – Вижу, что в выходной выходишь на работу, как на праздник. И до глубокого вечера. Как на все это твои домашние смотрят? – обернулся я в сторону университетского друга.

– А они не смотрят, – криво усмехнулся в ответ Женя Размоллов. – Уехали отдыхать в Крым. Я тоже должен был быть уже в Феодосии. Купаться, нежиться на солнышке кверху пузом и грызть вареную кукурузу... Но вот видишь, – безысходно заключил он и развел руками. – А может, все же – это маньяк орудует? – посмотрел на меня Евгений Николаевич после недолгого молчания. – Орудие убийства не скинул, носит с собой. Один почерк, одно время убийств. И тут, и там – старики. Из квартир ничего не пропало... Мотив его деяний ясен только ему.

– А вот здесь я с тобой, товарищ подполковник, не согласен. Маньяк сам не знает, что делает. И мотива у него никакого нет. Спрашиваешь, например, у одного маньяка, почему ты пятьдесят раз колот ножом жертву, ведь достаточно было одного раза, чтобы убить ее. А он говорит: «Не знаю, просто понравилось». У него в голове такая, тьма, что ее никому не понять. А мы чего-то их изучаем, исследуем, думаем, что понимаем их поступки, их характер. Дома он нормальный человек, любящий отец, с детьми на праздники с шариками ходит, а потом вдруг просыпается в нем какой-то зверь, и он не в силах его обуздать и идет у него на поводу... Как ты

сказал: два убийства еще не серия, – отозвался я, и твердости в своих словах не почувствовал. Мой собеседник – тем более.

– Так что, надо ждать третьего убийства? Тогда точно будет серия? – в сердцах произнес начальник следствия. – Вот уж тогда нам точно придет полный...

Подполковника юстиции Размолова перебил телефонный звонок. Мы оба устали на аппарат, как на бомбу, которая должна вот-вот взорваться. Бежать уже поздно. Остается только броситься на пол, обхватить голову руками и надеяться на чудо, а уж если не повезет, тогда на скорую встречу с апостолом Петром.

Какие только мысли не посетят, когда ожидаешь худшего.

А телефон продолжал звонить и звонить и, похоже, не намеревался останавливаться. Наконец, Евгений Николаевич поднял трубку:

– Слушаю.

Потом он замолчал. Лицо подполковника разительно менялось. Поначалу оно посерело, затем вдруг приобрело желтоватый оттенок и под конец покрылось красными пятнами. Мой старинный приятель за время телефонного разговора как будто бы постарел лет на десять. Некоторое время он еще слушал собеседника, а затем медленно, с какой-то непоправимой обречённостью, положил телефонную трубку на рычаг.

Его глаза в упор смотрели на меня, но, кажется, совсем не видели. В них явственно прочитывалась полная растерянность. Такое выражение глаз я видел однажды на нашем городском пляже «Локомотив» несколько лет назад. Мужик с огромным пивным животом пошел искупаться на Казанке, а когда вернулся на берег, то его одежды вместе с сандалиями и носками на своем месте не оказалось. Какое-то время он бестолково метался по берегу в надежде, что его рубашка и брюки, в одном кармане которых лежал сотовый телефон, а в другом бумажник с деньгами и ключи от машины, еще отыщутся, – просто он подзабыл точное место, куда он их положил. Так бывает. Наверняка где-то лежат себе спокойненько в тенечке под кустом, вот сейчас он их найдет, натянет на себя штаны, обуется в сандалии, накинёт на плечи просторную без рукавов рубашку и освежившейся и весьма довольный водными процедурами, в благодушном настроении покинет городской пляж. Привычно дойдет до автостоянки, сядет в свой новенький «Ауди» и вырулит на шоссе. Однако одежда не находилась. Обыскав едва ли не весь пляж, он лишился последней надежды, в отчаянии сел мокрыми плавками на песок и устался в багровевшее солнце. Тогда его взгляд выглядел точно таким же, каковой наблюдался сейчас мною у моего однокашника Евгения.

– Произошло еще одно убийство, – тихо, но с нотками затаенной обреченности, произнес начальник следственного отдела подполковник Размолов. – В Екатерининском саду. Ты как, поедешь со мной?

– Конечно, – ответил я и поднялся из-за стола. Как, однако, неожиданно и очень интересно начинается мой отпуск...

Глава 2. Третий труп

Место преступления было огорожено оранжевой лентой, по периметру которой стояли рядовые сотрудники полиции и бдительно посматривали на быстро собирающуюся группу зевак. Даже здесь в сравнительно безлюдном заросшим кустами месте их набиралось немало. Вот, казалось бы, у каждого из них имелось какое-то свое безотлагательное дело, но свершившееся преступление заставило их побросать все насущные дела и превратиться в ротозея, во все глаза взиравшего на следственно-оперативные мероприятия.

– Что там произошло? – спрашивали подошедшие у тех, кто явился значительно раньше.

– Говорят старуху какую-то убили, – пожимая плечами, отвечали они.

– А кто она такая?

– А кто ж его знает? Полиция ничего не говорит.

Труп мы увидели метрах в двадцати от ротонды на склоне неглубокого овражка. Женщина лежала лицом вниз на темно-серой глине, неловко закинув левую руку за голову, как если бы, производила какое-то хитроумное гимнастическое упражнение, – пыталась достать скрюченной ладонью правую лопатку. У нее, как и у двух других предыдущих жертв, был проломлен череп. Надо полагать, тем же тупым тяжелым предметом, что участвовал в первых двух эпизодах убийств.

– Давно она тут... находится? – подобрал подполковник Размоллов подходящее слово, наклонившись над трупом и всматриваясь в окровавленное лицо.

– Я полагаю, с десяти часов. Тело еще теплое, не успело остыть, – равнодушно отозвался эксперт-криминалист, захлопывая свой чемоданчик. Мне тотчас припомнился наш эксперт-криминалист, Вениамин Коноплев, нахождение которого в нашем отделе следовало бы считать настоящей удачей. Веня наверняка бы назвал помимо времени совершения убийства, еще и силу удара, а также примерный рост преступника. Нюх у Вени был прямо-таки собачий. Конечно же, не такой, как у Нюхача в исполнении актера Кирилла Кяро из остросюжетного детективного сериала с нескончаемыми сезонами серий. Но все же, эксперт Коноплев мог сходу предоставить верное предварительное заключение о причинах смерти потерпевшего, отыскать нужную улику в месте, которое уже осмотрели несколько специалистов, и добыть обличительные доказательства в результате грамотно проведенных лабораторных исследований у себя в лаборатории.

На место преступления Коноплев обычно выезжал вместе с дежурной группой, тщательно осматривал его, фотографировал, собирал улики, если таковые имелись (и тоже их фотографировал), составлял протокол и выдавал по просьбе следователя предварительное заключение, которое было практически безошибочным и всегда подтверждалось впоследствии. А после лабораторных исследований Вениамин составлял исчерпывающий отчет, после прочтения которого, у следователя не оставалась ни одного невыясненного вопроса. Несмотря на молодость, Веня считался очень опытным экспертом-криминалистом и мог бы дать фору многим коллегам из других отделов и даже городского управления, срок службы которых в органах МВД был куда больше, нежели у него. Вениамин Коноплев был всегда деятелен, полностью погружался в свою работу, которую по-настоящему любил. От местного эксперта-криминалиста, сидевшего на корточках возле трупа женщины и уже хлопнувшего свой чемоданчик с разного рода инструментарием, никакой активности не просматривалось. Да и внешне он выглядел как-то странно, казался выжатым, как лимон, смертельно усталым: то ли ему вконец осточертела его профессиональная деятельность, то ли он торопился куда-то восвояси. И вообще эксперт-криминалист походил на человека, желавшего побыстрее убраться от неприятного домой, где можно перед телевизором выпить бутылочку пивка с рыбкай, а потом завалиться спать.

– Документы потерпевшей или что-то такое, что могло бы удостоверить ее личность, нашли? – задал вопрос подполковник Размоллов.

– Нет... Ничего такого ни в ее карманах, ни где-то в ее одежде обнаружено не было, – ответил эксперт-криминалист.

Подполковник Размоллов наклонился к лицу убитой и долго всматривался в ее лицо, искаженное мукой боли, как если бы хотел ее припомнить. Ничего из этого не вышло. Евгений Николаевич разочарованно распрямился.

– А кто ее нашел? – задал новый вопрос подполковник, оглядывая присутствующих.

– Я, – сдержанно отозвался мужчина в зеленой шляпе, похожей на детскую панамку. Примерно такую же носил и я (вернее, мне надевали ее мои родители) в жаркие летние денечки, находясь в возрасте трех-четырёх лет. Видно мода такая была. Сейчас подобную шляпу я бы вряд ли напялил...

– Время уже вечернее... А что вы делали здесь в такой час, Фердинанд Альфредович? – спросил подполковник Размолов и перевел взгляд с человека в странной шляпе на меня. Начальник следственного отдела подполковник Размолов назвал свидетеля по имени-отчеству для меня, чтобы я понял, что это тот самый сын бизнесмена Моргулиса, – писатель, или мнящий себя таковым, который в тридцать шесть лет вместе со своей семьей сидит на отцовской шее и не собирается с нее слезать.

– Прогуливался... Дышал воздухом... Работал над книгой... Поздними вечерами хорошо думается, знаете ли, – ответил Моргулис-младший с некоторым вызовом, что мне весьма не понравилось. Но Евгений Николаевич, словно не замечая грубоватого тона, терпеливо продолжил:

– А что за книга, позвольте спросить?

– Не могу раньше времени говорить об этом, – как мне показалось, попытался уйти от прямого ответа Фердинанд Альфредович. После чего неспешно добавил: – К тому же у нас, писателей, не принято говорить о своих замыслах, рассказывать сюжет книги – весьма скверная примета. Лично у меня уже не раз подобное случалось: как только начинаешь кому-то рассказывать содержание еще не написанной книги, так сразу работа перестает ладиться. Как будто бы кто-то наколдовал! И сюжет не выписывается, и герои получаются какими-то картонными и неживыми. И подходящих красочных слов не получается отыскать. В конечном результате написание книги тормозится, потом застопоривается совсем и на ней уже можно поставить крест.

«На вашей книге вы сами уже давно поставили жирный крест», – примерно такие слова, как мне показалось, хотел произнести в ответ подполковник юстиции Размолов. Однако вместо этого я услышал совершенно иное:

– Ну, назовите хотя бы жанр вашего будущего произведения? – со сдержанной холодностью попросил Евгений. Было понятно, что мой однокашник крепко недолюбливает господина в шляпе, похожей на детскую панамку. Не однажды случалось, если Евгений Николаевич к кому-то испытывал антипатию, то аналогичную неприязнь к этому персонажу ощущал и я. Как правило, нелюбовь Размолова возникла не на пустом месте. – Это будет детектив? – не унимался начальник следственного отдела Управления.

– Нет, – как-то устало произнес писатель. – Правильнее будет назвать это произведение психологической драмой... Там будет много всего намешано... Не буду вдаваться в детали, но сейчас я как раз расписываю характеры главных героев. А такая работа подразумевает тишины и полного одиночества.

Размолов кивнул и промолчал. Что означал этот кивок – одобрение или насмешку – можно было только догадываться. Все же я бы склонился к тому, что это была скрытая насмешка. Фердинанд Альфредович слегка нахмурился, очевидно, он воспринял легкий кивок однокашника, как некоторую ироничность.

– Ладно, продолжим... Итак, вы прогуливались, дышали воздухом, думали над книгой, мысленно расписывали характеры героев, выстраивали какие-то диалоги и вдруг наткнулись на труп, я вас правильно понимаю? – придав голосу толику официальности спросил свидетеля подполковник Размолов.

– Да, примерно так и было, – ответил Фердинанд Альфредович и переступил с ноги на ногу. «Свидетель нервничает, или мне это показалось?»

– Как он лежал? – продолжил опрос свидетеля начальник следственного отдела.

– Да вот так, как лежит сейчас, я к нему не прикасался. Знаю, что нельзя этого делать, – ничуть не удивился вопросу писатель. У меня есть несколько знакомых писателей. Приходилось общаться: за пивом, и так... По-дружески что ли. Насколько я успел подметить, писатели вообще мало чему удивляются и даже самые невероятные случаи порой воспринимают, как должное. Поскольку знают, что в этой жизни все может произойти. И чем богаче фантазия у

писателя, тем меньше он удивляется. А бывает и так: напишут что-то невероятное, а потом в это невообразимое поверят сами и заставляют верить и других.

– Вы заметили кого-нибудь около трупа? – последовал новый вопрос, обязательный в подобных случаях.

– Никого, – последовал обычный в подобных случаях ответ.

– И никто не шел по направлению от трупа? вспомните, это важно, – снова поинтересовался Женя Размолов, хотя получил исчерпывающий ответ. Впрочем, задавать уточняющие вопросы – профессиональная обязанность следователя.

– Нет, я никого не видел. – Кажется, писатель ответил искренне. – А может, я попросту не заметил. Я был сильно погружен в свои мысли, знаете. Что-то прорвало у меня, я как будто бы вживую увидел своих героев.... А когда я о чем-то задумываюсь, то я ничего вокруг не замечаю. В буквальном смысле этого слова...

– Ну да, ваш роман, – слепил нарочито понимающее лицо Евгений Николаевич и продолжил казенным сухим голосом: – Итак: вы заметили тело. Каковы были ваши дальнейшие действия?

Писатель пожал плечами:

– Никаких особых действий не было. Я наклонился, увидел, что женщина мертва и сразу позвонил в полицию.

– Вы сразу поняли, что она была убита?

– Когда я подошел, думал, что ей стало плохо. Хотел чем-то помочь, а когда увидел ее лицо, то сразу догадался, что ее убили.

– Вам эта женщина... была знакома? – спросил начальник следственного отдела и застыл в ожидании ответа.

– Нет, – с некоторым удивлением в голосе ответил Фердинанд Альфредович, глядя на замершего в ожидании ответа подполковника юстиции. – Откуда же мне ее знать?

Подошел участковый старший лейтенант. Доложился, слегка вытянувшись. Подполковник Размолов неодобрительно покачал головой.

– Запоздались вы, товарищ старший лейтенант, – сделал ему замечание начальник следственного отдела Управления. – Мне кажется, участковый первым должен прибывать на место происшествия.

– Мне только что сообщили, товарищ подполковник, – не очень уверенно ответил старлей, и все мы почувствовали стойкий запах перегара.

– Вы знаете эту женщину? – поморщившись, спросил старшего лейтенанта Евгений Николаевич.

Участковый наклонился и какое-то время всматривался в лицо жертвы. Потом выпрямился и уверенно произнес:

– Мне знакома женщина. Это Резинкина Кира Матвеевна.

– И кто она? – уже без пренебрежения посмотрел на участкового уполномоченного Размолов.

– Пенсионерка, – ответил старший лейтенант, стараясь дышать в сторону. – Работала учительницей начальных классов в школе номер восемь по улице Разведчиков. Я у нее учился с первого по четвертый классы. Да и многие из жителей нашего города у нее учились, – добавил старлей, – школа-то эта была очень хорошей. Теперь она называется гимназией номер четыре. Совсем недалеко отсюда, – произвел участковый жест рукой в сторону.

Все дружно посмотрели в указанное направление, как если бы рассчитывали за плотным строем деревьев рассмотреть примечательную гимназию. Я не явился исключением, – повернул голову так, что хрустнули позвонки. Однако увидел лишь торчавшие во все стороны ветки кустов, в поздневечерний час почти черные от густой листвы, и одиноко стоящую сосенку, ветки которой росли только около самой вершины, делая дерево похожим на строй-

ную девушку с круглой шапкой на голове. Такие шапки, отдаленно напоминающие военные каски, носили женщины шестидесятых и семидесятых годов ушедшего столетия.

«Опять старушка, – переведя взгляд с кустов на труп, подумал я, встретившись со взглядом Евгения. – Не иначе, убийца трусоват или физически слаб, если выбирает для своих поганых целей сильно пожилых людей, не способных в должной мере противостоять насилию.

Можно примерно набросать психологический портрет убийцы. Очевидно в детстве он подвергался какому-то насилию: его обижали сверстники, каким-то образом унижали, он не способен был дать сдачи. Его единственной мечтой было – отомстить. Когда он вырос, то выбрал себе в качестве жертв людей гораздо слабее себя. В данном случае, это старики. Хотя могли быть и дети. Такой преступник буквально упивается своей властью и кажущейся силой над слабыми, а на поверку выходит, что он попросту малодушен и жалок.

Был в моей практике один такой случай. Прошлой осенью. Преступник ходил *на дело* в штормовке с накинутым на голову капюшоном; в черной самодельной маске, закрывающей шею и лицо по самые глаза; в темных очках и одноразовых нитриловых перчатках. Поджидал по вечерам одиноких женщин у подъездов домов, а когда те открывали двери, врвался вместе с ними в подъезд и, приставив нож к горлу, грабил. Забирал все, что они имели при себе: деньги, кольца, цепочки, браслеты, сережки и даже парфюмерию, если она была брендовой и стоила немалых денег. После чего, предупредив жертву о том, что если она заявит о нападении в полицию, то он ее обязательно отыщет и исполосует ножом лицо (и это в лучшем случае). После чего покидал место преступления без особой спешки. В полицию заявляли не все пострадавшие от грабителя. А те, кто все же набрался решимости обратиться в органы правопорядка – таковых насчитывалось шесть человек – говорили одно: напал на них молодой парень примерно лет двадцати пяти или около того. Был он худой, с длинными тонкими «музыкальными» пальцами, что было заметно даже через перчатки, и голосом, похожим на голос нынешнего президента Украины Владимира Зеленского. Когда же потерпевших спрашивали, узнают ли они напавшего на них, если его им предъявят, однозначно говорили «нет». Темные очки, маска, капюшон, надвинутый на лоб, – поди тут, узнай. Разве что голос...

А количество потерпевших между тем, продолжало расти, и число обратившихся с заявлениями в полицию достигло уже одиннадцати человек. Даже если доля заявителей составляла от общего числа потерпевших всего треть, то худому преступнику с музыкальными пальцами удалось уже безнаказанно ограбить не менее тридцати трех человек. А если в полицию заявила лишь каждая пятая жертва?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.